

И. П. КУЛАКОВА

РОССИЙСКОЕ «ПРОСВЕЩЕННОЕ ДВОРЯНСТВО» В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

СПЕЦИФИКА ФОРМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВВ.)^{*}

Автор рассматривает место российской дворянской элиты в процессе развития новых культурных практик XVIII века – дилетантизм и художественность как метод репрезентации знания; воображение как фактор познания и способ освоения «новой культуры», а также новые формы интеллектуальной деятельности и способы самопрезентации дворянства (социальные, гносеологические, психологические и эстетические аспекты).

Ключевые слова: *дворянство, Просвещение, образование, наука, интеллектуальная деятельность, дилетантизм, коллекционирование.*

Вступая в XVIII век, «европейское общество было культурно единым, и потому его переход в Новое время был относительно плавным, органичным, хотя и не всегда... простым»¹. Одним из общих цивилизующих факторов для европейцев была (наряду с римским правом и христианством) светская культура Просвещения. В каждой стране процесс вхождения в Новое время имел, однако, своеобразные черты. Тем более это относится к России, где в результате ускоренной европеизации инновационный тип культуры наложился на многовековой мощный пласт культуры традиционной. В итоге культурная рецепция вылилась в сложный (и мучительный во многих проявлениях) процесс усвоения новых норм и практик, который растянулся более чем на век.

Следует указать на особенности экономического развития России, которые были связаны с социокультурными процессами: крайне неблагоприятные условия для капиталистического накопления; низкий объем совокупного прибавочного продукта предопределили упрощенную структуру не только государственного механизма, но и отсутствие свободной городской «интеллигенции» (функции которой вплоть до XVIII в. выполняла церковь)². К числу наиболее радикальных измене-

---

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10–01–00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

¹ Каменский. 1999. С. 524–525.

² Милов. 1998.

ний, которые принесла ускоренная модернизация России в XVIII в., было заимствование европейских научно-образовательных систем. Однако ускоренная модернизация принесла столкновение и синтез инноваций и традиционных устоев; многие западные культурные механизмы при их «импорте» начинали работать в другом режиме, приспосабливаясь к местным условиям. И если в передовых европейских странах идеи Просвещения несли демократизм, подрывали веру в легитимность общественного устройства, то в России они выступали скорее как регулятор социокультурной практики *дворянства*, путь его приобщения к европейской культуре и знанию. Именно дворянство, сохраняющее в себе черты феодальной сословности, стало, в первую очередь, слоем, ориентированным на нормы и ценности Просвещения.

Пытаясь разгадать «тайну» российского Просвещения, большинство исследователей до сих пор в основном шло через «типическое» – в попытках обрисовать групповой портрет «просвещенного» дворянства, ставшего главным его субъектом. Как справедливо отметила О. Е. Кошелева, чаще всего получались обобщающие конструкты, подаваемые как «новый человек», «человек эпохи Просвещения». При этом выявляемые (и каждый раз выдаваемые за константу) черты менялись вместе с трансформацией исторических взглядов и концепций³.

Как же сами россияне XVIII века подходили к понятию «просвещенности»? Ответ очевиден: по-разному в разные десятилетия, в зависимости от статуса и культурного уровня. Выявить это понимание, не приписывая человеку XVIII века своих оценок, очень трудно. Но, заметим, тот, кто был нацелен на новые ценности, так или иначе воплощал это понимание в своей повседневной практике – в той сфере, где человек проявляет себя наиболее естественно, через телесно-предметное переживание реальности⁴. Это – и пространства, в которых протекала реальная повседневная жизнь, и образность, в которой оформлялись эти жилые пространства, – «сконструированная» людьми прошлого сознательно в целях самопрезентации, прокламирования каких-то идей, или складывающаяся независимо от их намерений (но воплощенная в стилистике оформления, предметах быта, мебели и пр.). Не претендуя на полноту исследования этой необъятной проблемы, мы рассмотрим проявления установок, связанных с новыми для россиян культурными практиками эпохи Просвещения. Но самое важное – уловить те умонастроения, которые характеризовали формы самопрезентации «просве-

---

³ Кошелева. 2006. С. 88–95.

⁴ Шюц. 2003. С. 18.

ценного человека», и учесть тот социокультурный контекст, в котором действовали люди разных поколений.

Переход к новым европейским ценностям в начале XVIII века оказался исключительно сложен не только для большинства россиян, поневоле затронутых этими процессами, но и для круга самих петровских реформаторов⁵. Рассмотрение О. Г. Агеевой разных аспектов истории С.-Петербурга показало разную степень возможности инноваций даже в сфере светской культуры (не говоря о сфере религиозности)⁶. Смерть Петра замедлила темпы развития новых процессов, но не могла их остановить. В царствование Анны Иоанновны в России начинает формироваться полноценное придворное общество со своей системой многоступенчатых властных структур и приводных механизмов культурной политики. Представители российской власти открыто признавали ценности Века Просвещения, выдвигая задачу предельной новизны («ви-ватная» культура требовала самых затейливых и громких в Европе фейерверков; покупались лучшие научные коллекции). Наука, образование, новое знание оставались предметом государственного контроля и покровительства: ведь знание – это всегда власть. При этом на словах оно оценивалось высоко (как знание полезное, поставленное на службу государству и «общественному благу»).

Придворная среда выступала в тот период в роли главного *потребителя* науки и культуры Просвещения. Это не могло не оказывать влияния на общекультурную ситуацию: с применением новых культурных практик потребовались во множестве люди разнообразных новых профессий – художники и граверы, архитекторы и пиротехники, портные и парикмахеры, механики и садовники, актеры, поэты и – ученые.

Культурная жизнь Петербурга сосредоточилась вокруг двора. Помимо обычных развлечений появились новые. Знание облекалось в «удобочитаемые» формы: родом *просвещённого увеселения*, наслаждения для избранных были придворные действа, барочные по стилю. Наука, литература, искусство здесь не мыслились сами по себе; они фигурировали как элементы синтетических действий, целью которых в конечном итоге была репрезентация власти – как власти «просвещенной». Увлечение двора, например, астрономией можно считать проявлением *этикетного поведения* «просвещенного правителя», для которого астрономия

---

⁵ См. опыт рассмотрения процесса трансфера западноевропейских идей в Россию с разных сторон: Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе: К проблемам адаптации западных идей в Российской империи. Сб. ст. (Серия: Россия и Европа. Век за веком). М., 2008.

⁶ Агеева. 1999.

была важна как «философская» наука. Астрономы развлекали самодержцев «обсервациями»⁷. В 1727 г. в Академии наук решено было украсить коронацию Петра Второго следующим образом: «г-н Делиля на французском языке проблематический вопрос изъяснит, ежели учиненными поныне астрономическими обсервациями доказать можно, которое сущее система есть света, и ежели земля вокруг солнца обращение имеет или нет»⁸. Но астрономические знания репрезентовались и другими специфическими способами, характерными именно для XVIII века: квинтэссенцией культуры барокко стал огромный Готторпский глобус, бывший и моделью всего изученного человеком мира и – артефактом своего времени (доставленный в Петербург еще при Петре, он и позднее служил в основном представительским целям). Пример с глобусом характеризует «барочный» интерес к предметам экзотическим, «из ряда вон выходящим» (типа «уродов» из Кунсткамеры, карликов и великанов). В «монстрах» и «раритетах», «инсектах» и минералах Кунсткамеры, физических опытах и «увеселительных механизмах» (автоматах) познавательный и художественный моменты были сплавлены воедино. Эксперименты и диковины демонстрировались перед небольшим кругом знатных «посвященных» (что само по себе было формой научной публикации той эпохи)⁹. Но *любопытность* сначала преподносилась, а потом и мыслилась наряду с «превеликою пользою» как особого рода наслаждение или, как говорили в XVIII в., *увеселение*. Семантическое поле этого слова обширно: от анатомирования до музицирования (особый смысл, который придавался этому слову в Век Просвещения, будет понятнее, если вспомнить, что и искусное препарирование тел могло рассматриваться как увеселение¹⁰).

В придворных театрализованных действиях неизбежно присутствовали черты, характерные для эпохи барокко: научное и художественное

---

⁷ Даже императрица Анна Иоанновна – как считается, не слишком образованная особа – в 1735 г. приглашала во дворец Делиля показать ей Сатурн с его кольцами и спутниками «через невтонианскую трубу» (в длиннофокусный телескоп Ньютона). Она не только «смотреть изволила», но и «объявила о сем всемирнейшему удовольствию и приказала, чтоб как физические, так и астрономические инструменты для продолжения таких обсерваций при дворе... оставлены были» (*Пекарский*. 1870. С. 130).

⁸ *Курукин*. 2003. С. 142.

⁹ *Филонович*. 1996. С. 26–31; *Сокулер*. 2001. С. 99–102.

¹⁰ Вспомним, как сам Петр «увидев в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, который улыбался как живой, не удержался и поцеловал его» (*Мирский*. 1996. С. 51) – столь велики были восхищение царя искусством медиков и пиетет перед возможностями науки в целом.

сближено; все художественное «демонстрирует тайну тем, что уподобляется знанию и миру – миру как непременно включающему в себя тайное, непознанное и непознаваемое»¹¹. Пример из области пропаганды той же астрономии: используя любимые XVIII столетием театральные формы, М. В. Ломоносов пытался «легитимизировать» в придворных кругах новую для России того времени идею «множественности миров». В рамках задуманных великой княгиней Екатериной Алексеевной увеселений Ломоносов затеял аллегорическое действо – постановку драматической кантаты «Пророчествующая Урания» (1757): с помощью особой машины «с небес» «являлась муза Урания, сидящая на множестве блистающих сфер и глобусов». В основу композиции была положена известная книга Х. Гюйгенса «Космотеорос»¹².

Члены Академии наук обслуживали символическую сферу придворного этикета и другими способами. Так, Г. Ф. Миллер, а затем и В. Е. Адодуров, исследовали генеалогию придворных, князей и императоров. (Заметим, что создание дворянских гербов, помимо прочего, явилось этапом развития дворянского сословного самосознания.)

При русском дворе из всех литературных жанров ценился лишь панегирический. Поэзия присутствовала в виде официальной оды, полностью включенной в церемониал официального торжества формой, в которую отливалась «монархическая эмоция»¹³. Звание придворного одописца вполне соответствовало придворной ситуации (именно оно придало определенный статус Ломоносову: «учённость», как и занятия литературой, не приобрели места в Табели о рангах). Впрочем, при дворе вполне ценились и признавались полезными такие науки и «художества», как медицина, артиллерийское, пробирное и горное дело, гравировальное мастерство, искусство химиков в устройстве фейерверков и т.п.¹⁴.

Обслуживать все эти «синтетические» действия были призваны как раз овладевшие «просвещением» люди. С выделением государственной службы в качестве особой сферы профессиональной деятельности помимо понятных категорий службы придворной, военной и статской появились новые – служба литературная и академическая. Статусы и профессионального литератора, и ученого остро нуждались в адапта-

---

¹¹ Подробнее см.: Михайлов. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи. http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Mikhailov_Baroque.htm.

¹² Солоухина. 1996.

¹³ Погосян. 1997.

¹⁴ Не без влияния фаворита императрицы Елизаветы И. И. Шувалова Ломоносов был переориентирован с химии и физики на мозаичное искусство, похвальные слова и оды. Писаренко. 2003. С. 351.

ции. В России того времени «сколь бы образован ни был человек, он остается слугой системы, можно даже сказать – ее собственностью. Его образование и ум принадлежат государству, и высокопоставленный государственный чиновник может распоряжаться ими по своему усмотрению»¹⁵. При этом оказывается необходимой фигура организатора и одновременно *интерпретатора* науки для придворной среды (например, типа печально знаменитого директора академической Канцелярии И.-Д. Шумахера). И особенно велика роль аристократа, близкого ко двору – просвещённого покровителя наук и художеств.

Одним из ярких представителей этой небольшой группы можно считать И. И. Шувалова (1727–1797), который уже с 1749 г. начинает играть роль *культурного политика* при дворе императрицы Елизаветы Петровны, в конце ее царствования становится генерал-адъютантом и членом конференции (тогдашнего государственного совета).

Для просвещённого аристократа того времени были одинаково характерны как всеобъемлющий характер образованности, так и, как следствие первого, поверхностность знаний: слишком серьезно заниматься наукой было «не по чину». (Впрочем, и представление о свойствах английского джентльмена связывалось именно с его праздностью, стремлением избежать клейма профессиональности¹⁶ – таковы были веяния времени.) Однако И. И. Шувалов был одним из тех людей, которые в силу неповторимой индивидуальности (и высокого статуса) способны были оказывать влияние на социальную практику. Во многом же его черты были обусловлены характерными для эпохи социокультурными процессами, что и делает возможным говорить о нем как о типе.

Необычность этой фигуры отмечали и его соплеменники, и французы, среди которых он жил 14 лет. Во время пребывания в Париже он сумел заслужить уважение многих выдающихся европейских интеллектуалов. «Я в совершенном восторге от Шувалова; никогда не видел я столь любезного человека, такое умение держаться, столько простоты и скромности вместе со здравым смыслом и достоинством! Несколько меланхолическое выражение, но ничего униженного!», – писал в письме 1765 г. Х. Уолпол (4-й граф Орфорд, литератор, основоположник английского готического романа)¹⁷.

Англичанин отметил те черты, которые характеризовали Шувалова как человека, вполне овладевшего европейской культурой.

---

¹⁵ Гутнер. 2002. С. 10.

¹⁶ Оссовская. 1987. С. 137–140.

¹⁷ Цит. по: Вацуро. 2000. С. 32; см. также с. 22–31.

«Просвещенность» в Европе XVIII в. – в широком смысле – понималась и как воспитанность, умение ценить красоту, вести себя и быть приятным в общении. В России при Петре I воспитание и обучение детей стало рассматриваться как государственная обязанность высшего сословия. Такой подход сохранялся и в дальнейшем. В. Н. Татищев настаивал, что дворянину полагается хорошо писать и говорить; его следует обучать «стихотворству и поэзии», музыке, живописи, умению вести себя пристойно (1730–1735 гг., «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах»). Последнее означало практические поведенческие навыки – «как стоять, идти, поклониться, поворотиться» – чтобы отличаться от простолюдина¹⁸. Манеры образованного молодого человека эпохи барокко должны были нести в себе идею грациозности, учтивости, аристократической сдержанности в выражении чувств. И это не просто внешняя приятность поведения: фактически впервые человеку предлагалось думать о собеседнике, уважать в нем другую личность.

Итак, «просвещенность» в определенном понимании закреплялась как элемент этикетного поведения при дворе; благодаря этому в дворянском обществе постепенно укоренялось представление о престижности и других культурных форм, ассоциировавшихся с «просвещением». Ускоренный темп преобразований начала XVIII века заставил россиян, и дворянство в первую очередь, подчиниться новым культурным установкам, навязанным государством.

Рассматривая придворную среду, мы обратили внимание на дворянина – зрителя, участника придворных действий, наслаждающегося и увеселяющегося, выступавшего таким образом объектом приложения культуры Просвещения. Совсем другой этап – время, когда российский дворянин в массе своей становится ее субъектом.

Придворная среда была крупным, но не единственным очагом Просвещения в России. В изменении социокультурного контекста большую роль играло институализированное образование, и светское, и духовное. Мы не будем останавливаться на роли учебных заведений нового типа (которые были культурными пространствами, где наиболее интенсивно протекали процессы, связанные со становлением науки и норм «Просвещения»¹⁹). Скажем лишь, что к концу века в результате функционирования Академии Наук и её академических учреждений в Петербурге и Московского университета в стране появился новый тонкий слой ученых-профессионалов. Однако этот путь оказался малопри-

---

¹⁸ Татищев. 1979. С. 92.

¹⁹ Об этом см.: Кулакова. 2006.

влекателен для российского дворянства (по крайней мере, для более или менее зажиточных его слоев): речь шла о длительном процессе изменения ценностных ориентиров общества, прежде чем дворянские отпрыски наполнили университеты.

С 1730-х гг. берут начало закрытые дворянские учебные заведения, первым из которых стал Шляхетный Сухопутный корпус. Именно отсюда вышли активные приверженцы новой культурной парадигмы – А. Сумароков, И. Елагин, А. Олсуфьев, А. Натров, И. и П. Мелиссино, И. Шишкин, С. Порошин, М. Херасков и др. Корпус стал настоящим очагом новой культуры и породил импульс самодеятельности: уже в 1759 г. группа кадетов предприняла в С.-Петербурге по своей инициативе и на свой счет издание журнала «Праздное время, в пользу употребленное». Хороший пример того, как из рук в руки, через конкретных людей передавалась издательская традиция: усилиями, прежде всего М. Хераскова, с начала 1760 г., теперь уже в Москве, при Московском университете издается еженедельник «Полезное увеселение», содержащий переводы студентов и учеников университетских гимназий (так одновременно решались задачи и организации практики переводов, и издания популярной переводной литературы). Носителем той же журнальной традиции выступил А. П. Мельгунов, ярославский генерал-губернатор, который также воспитывался в Сухопутном шляхетском корпусе. В основанной им типографии с конца 1760-х гг. печатался первый провинциальный журнал «Уединенный пошехонец». Мельгунов же стал действительным редактором и фактическим главой предприятия (сказался накопленный опыт, эрудиция, образование и связи в кругу культурной элиты). Это значит, что эпоха Просвещения принесла новые формы общения и социальных связей (новая дискурсивная практика, читательские сообщества, свободный обмен мнениями).

После указа 1762 г. «о вольности российского дворянства» последнее стало оседать в своих вотчинах, предаваясь хозяйственным заботам, отстраивая дома и украшая их в соответствии со вкусами эпохи. Это тот этап, когда образованность, чтение, переводы, собирание книг – в целом, творческие занятия – начинают рассматриваться в дворянской среде как «просвещенное» и модное времяпрепровождение, занятия «полезные и приятные». Особый сплав культуры, науки и искусства, который мы наблюдали в проявлениях придворной культуры, явился теперь в форме так называемого (с позиций рационализма XIX века) «дилетантизма».

Прежде всего, дворянство втягивается в процесс *коллекционирования* – привлекательный и вполне доступный вид «просвещенной» деятельности. Первый кабинет редкостей, Кунсткамера, как известно, был

детищем царя Петра. Лейбниц составил для императора записку «о музее и относящихся сюда кабинетах и кунсткамерах». Давая советы Петру по организации Академии наук, он рекомендовал для начала озаботиться организацией библиотеки и кабинета редкостей («чтоб они служили не только предметом общего любопытства, но и средствами для усовершенствования художеств и наук»). Между тем, И. Шумахер объехал крупнейшие города Европы, осматривая научные учреждения, и, в частности, обсерватории, музеи и кабинеты (подробное описание кабинетов, увиденных в Германии, Англии и Голландии, Шумахер дал в своем отчете²⁰). Результаты всех этих усилий были воплощены в проекте учреждения Академии наук²¹. Кунсткамера стала предметом общего любопытства, но лишь примерно с начала 1740-х гг. российское дворянство начинает проявлять стойкий интерес к созданию *собственных* «кабинетов редкостей». В первых рядах выступало столичное дворянство и такие «маргиналы», как Демидовы. Заводились натуральные и минералогические кабинеты, полные диковинок, чудесных автоматов и устройств (редко – частные кабинеты-лаборатории, которыми «угощали» гостей). Главенствовала функция коллекций и кабинетов – «изумлять». Характерная для того времени эстетизация научных коллекций была нацелена на их демонстрацию, развлечение. Но при этом коллекционирование – что важно для России – представляло значимый процесс формирования идентичности *западного* типа. Собирая вещи вокруг себя в соответствии со своим вкусом, хозяин коллекции делал попытку создать собственный «мир» – одна из важных форм организации познавательной деятельности, связанных с формированием знания нового типа.

То же, кстати, можно сказать о культуре устройства усадебных комплексов, в которых начинают «самовыражаться» богатейшие из российских дворян. Устройство усадеб становится для некоторых дворян не просто формой заполнения досуга, но делом жизни.

Еще в работах 1920-х гг. выдающийся литературовед Н. К. Пиксанов ввел понятие «культурного гнезда». Он указал на *региональные* культурные очаги в виде некоторых поместных усадеб, хозяева которых были связаны, по его мнению, в основном с литературным творчеством. Впрочем, со временем понятие «культурного гнезда» стало употребляться и в расширительном значении. Мы же хотим указать на те усадьбы, где культурная деятельность их хозяев выступала и в иных ипостасях, характерных именно для XVIII века.

---

²⁰ Отчет см. в кн.: Пекарский. 1862. С. 533–558.

²¹ Шебунин. 2002.

Усадьба выступала как «сфера независимого частного человека, дорожащего своей свободой»²². Затеи усадебные (как и придворные) носили демонстрационный характер, но творцом их в конечном счете был сам хозяин усадьбы (хотя и прибегавший к искусству профессионалов). При создании комплекса во всем – в выборе архитектурного проекта, планировки дома и сада, в подборе коллекций произведений искусства, приборов и естественноисторического материала, в принципе построения коллекций – воплощалось понимание «просвещенного» взгляда на мир, и в том числе на фундаментальную идею целостности «микромира усадьбы» как отражения самого мироздания. Создание таких усадеб, где затем росли и воспитывались следующие поколения, было одновременно и проявлением творческого начала и фактором влияния на их обитателей. В пространстве русских усадебных комплексов шла стилизация жизни в некое мифопоэтическое пространство и первые поиски удовольствий «через воображение». Гроты, фонтаны, водопады, скульптура, зверинцы, птичники и вольеры – все это эффектные затеи, которые должны были настраивать человека на определенное эмоциональное состояние и «возбуждать мысли»²³. Это относилось, разумеется, не ко всем усадьбам, лишь к тем, хозяева которых приняли идею «просвещения» как руководство к действию. Результат был похож на тот, которого достигали итальянские гуманисты. Об их жизни Л. М. Баткин пишет так: «сохранялось... ощущение единства двух реальностей, эмпирической и сублимированной»; им «удавалось психологически избежать какого-то трагического разрыва между повседневностью и идеалом»²⁴. «То, что мы назвали бы «внешним фоном», было отнюдь не внешним и не фоном, а материализацией и продолжением, *развертыванием в быт... понятий и мифологем*»²⁵.

Разумеется, в полной мере воплотить в жизнь свои «программы» могли самые могущественные люди империи, начиная с государей (Елизавета Петровна лишь начинала проявлять интерес к дворцовому строительству; для Екатерины все ее дворцы со всем их содержимым были архитектурным театром и языком прокламирования просветительских идей; для Павла же, обустроившего Михайловский замок, «весь ансамбль скульптурного убранства замка являл собой зримый ма-

²² Марасинова, Каждан. 1998. С. 268.

²³ Выражение из «Садового словаря» – руководства конца XVIII века («...В окрестностях Москвы»: Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков. М., 1979. С. 126).

²⁴ Баткин. 1991. С. 23.

²⁵ Баткин 1991. С. 24 (Курсив мой. – И. К.).

нифест несчастного императора, своеобразное пластическое выражение его затаенных настроений и чувств»²⁶. Произведения искусства, вещи, приборы, наполнявшие дома аристократии выступали не только в виде предметов роскоши, но и как культурные ценности, и как сущности символические (свидетельства европейской ориентации владельца). Умение разбираться в рынке предметов роскоши – черта, лишь постепенно становившаяся типичной для русского аристократа.

Один из первых в России коллекционеров живописи, И. И. Шувалов, создавал еще с 1740-х гг. свой кабинет-галерею, тщательно изучал рынок произведений искусства, ориентируясь по увражам и гравюрам. Он проявлял интерес и к коллекционированию «редкостей» – «антиков», минералов и пр. (после возвращения камергера из-за границы уже при Екатерине дом его напоминал музей). Один из первых в России «кунштюков» появился в Петербурге в 1755 г. с его помощью: «В зале его превосходительства господина действительного камергера и кавалера И. И. Шувалова, на Невской перспективе, приехавший сюда из Парижа Франсуа будет показывать по понедельникам, вторникам, четвергам и воскресеньям пополудни с 4 часов до вечера свою художественную машину, которая представляет в натуральную величину пастуха и пастушуху, которые играют тринадцать арий на флейтоверсе».

Во второй половине XVIII в. Россия уже пережила первый расцвет частного коллекционирования. Наряду с коллекциями императорской семьи появились значительные художественные собрания вельмож, государственных деятелей и дипломатов, а затем и менее крупных дворян. Среди известнейших покупателей редкостей был князь Н. Б. Юсупов²⁷. Известны слова, выражающие его мотивацию: «Мои книги и несколько хороших картин и рисунков — единственное мое развлечение». Но является ли это установкой на развлечение в современном смысле слова?

Исследователи его наследия считают: то, что из массы произведений прикладного искусства, предлагаемых художественным рынком, Юсупов смог выбрать для украшения своих дворцов подлинные шедевры, характеризует его как знатока, поэтому мы вправе рассматривать произведения

---

²⁶ *Неверов*. 1996. С. 17–25.

²⁷ На протяжении почти 60 лет (с начала 1770-х до конца 1820-х гг.) князь собрал обширную библиотеку, богатейшие коллекции скульптуры, бронзы, фарфора, других произведений декоративно-прикладного искусства и интереснейшую коллекцию западноевропейской живописи – крупнейшее частное живописное собрание в России, насчитывавшее более 550 произведений». *Савинская*. 2002; См. также: «Ученая прихоть»: Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. Каталог выставки. В 2 т. М., 2001.

искусства, украсившие его дворец, как коллекцию. «Личность Юсупова-коллекционера формировалась под влиянием философских, эстетических идей и художественных вкусов своего времени. Занятие собирательством для него было родом творчества. Находясь рядом с художниками, создателями произведений, он становился не только их заказчиком и покровителем, но и интерпретатором их творений»²⁸.

Спланированные «просвещенным» хозяином усадебные комплексы, включающие театры и оранжереи, наполняемые диковинами, прямо объявлялись местами «уединенных наслаждений». Так, князь А. Б. Куракин в своем саратовском имении Надеждино вывесил в разных комнатах дома и в парке следующее объявление: «Хозяин, удаляясь от сует и пышностей мирских, желает и надеется обрести здесь уединение совершенное, а от онаго проистекающее счастливое и ничем непоколебимое спокойствие духа»²⁹. Дворцовый комплекс в с. Кусково П. Б. Шереметева, знатного вельможи эпохи от Анны Иоанновны до Екатерины II, был создан главным образом для приемов гостей (и это был один из немногих частных московских дворцов, который не без удовольствия посещала Екатерина). Парк в Кусково представлял тот образец *садового творчества* эпохи Просвещения, в котором на равных правах участвовали (а нередко совмещались в одном лице) заказчик, архитектор и садовый художник. (Последний термин, появившийся в век Просвещения, был связан с понятием о “пейзажном” парке, то есть о природной картине, созданной по законам живописи). Все строилось на «переносе и переработке образцов, идей и личных впечатлений»³⁰.

Хозяин – человек, только что вкусивший новой культуры – создает «царство просвещенности» в своем духе. Главный дом – образец раннего классицизма с элементами барокко (построен из дерева на каменном цоколе) – заново строился на месте «старых хором» в 1769–1775 гг. архитектором К.Бланком по проекту Ш. де Вайи. «Анфиладность» ампирных зал была призвана «казаться», демонстрировать; жилым же апартаментам отводилось второстепенное значение.

Тем не менее, именно в «пространстве повседневности» проходила реальная жизнь обитателей усадьбы. Ряд анфилад дворца завершается парадной опочивальней и далее сменяется маленькими «жилыми» комнатами. Так называемый «кабинет-конторочка» графа П. Б. Шереметева использовался как «рабочая» комната графа – т.е. его деловая приемная.

²⁸ Савинская. 2002.

²⁹ Горбунов. 1887. С. 618.

³⁰ Соколов. <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=177> (июнь, 2011).

Кабинет открывал череду непарадных помещений дома: Туалетная; Гардеробная, далее – одна из любимых комнат, совсем маленькая проходная Диванная; затем – Вседневная опочивальня. Ее П. Б. Шереметев расположил между Библиотекой и Картинной: мудрость и красота с двух сторон окружали почивавшего графа. Поразительно то, что большую часть досуга этот богач и аристократ проводил в крошечной уютной Диванной комнате – за чтением (сохранились подлинные бело-голубой высокий диван и столик для чтения с подставкой для громоздких книг).

Функцию репрезентации раритетов (помимо «куншт каморы», которая, судя по описанию, находилась наверху³¹) исполняла так называемая «библиотека»³²: она, собственно, имела назначение кабинета редкостей, играющих одновременно роль и украшения интерьера, и символическую роль атрибута «просвещенного досуга» (этот замысел восходит к европейской – устаревшей уже к этому времени – идее гуманистического "универсального музея"³³). Здесь в четырех шкафах, вделанных в стены, хранились отдельные излюбленные издания и предметы, связанные с «наукой» (например, «стекло прибыльное круглое в точеном деревянном футляре»; на верхней полке шкафа – «2 глобуса в деревянных станках з градусами. Труба медная, в которую падает издали голос»). «На окошке поставлена сфера небесная со всем принадлежащим прибором»; кроме того – «солнечные часы медные вызолочены универсальные с компасом» (астролябия?). В двух нишах между четырех шкафов стояли разнообразные редкости³⁴.

Скульптурные изображения в шкафах – явно знаковые, отсылающие к ключевым фигурам Просвещения. В описи они характеризуются так: «... 1 Волтер сидящий на стуле перед ним на столике книги. 2 Русо Жанжак сочиняет ноты. 3 доктор Франклей. 4 генерал адмирал, сморящей в ландкарту». Кроме того – еще «статуя оногож Волтера зделанные из воску». Произведения античного искусства: «2 партрета зделанные из воску поесные древних людей... в рамках», «3 партрета римских»³⁵. В шкафах были собраны редкие вещи из фарфора, хрусталя, бронзы, резного камня и кости и др. (в т.ч. «Четыре части света Африка, Азия, Америка и Европа которая разбита и склеена»). Весь этот набор вполне совмещался с православным мировоззрением хозяев: по описи на про-

³¹ ЦГАЛИ. Ф. 1088 (Шереметевых). Опись дому. Л. 114–130.

³² Во дворце была и другая библиотека, составлявшая 16 тыс. томов, и при ней состоял библиотекарь В. Г. Вороблевский. *Басманов*. 1984. С. 41.

³³ *Осминская*. 2001.

³⁴ ЦГАЛИ. Ф. 1088 (Шереметевых). Опись дому. Л. 147.

³⁵ Там же. Л. 145.

стенках библиотеки висели 52 небольшие картины, но первым в описи стоит «образ Богородицы Толские писан на белом отласе»³⁶.

Итак, перед нами «просвещенный дворянин» 1-й генерации – тип старшего Шереметева, Петра Борисовича – генерала, сенатора, камергера, которому наследовал представитель следующего поколения – Н. П. Шереметев. Самовыражение Петра Борисовича реализуется через *философскую концепцию* усадебного комплекса, разработанную с его личным участием. В усадьбе присутствует синтез сфер: природа – архитектура – искусство и науки. Здесь представлены все архитектурные стили, здания, выполненные в разных техниках и материалах (барочное здание дворца, Итальянский, Голландский домики, Грот, Американская оранжерея и пр.); присутствовали все виды искусств (галерея живописи, музыкальная комната, театр), растений и животных (оранжереи, птичники, зверинец). Созерцать разнообразие и совершенство мира (и показать все это другим) и есть «благородное увеселение» просвещенного дворянина.

Именно в роли строителя целого «мира» реализуется система истинных ценностей Просвещения: рационализм автономной личности и просвещенный ум как основа замысла (исходя из христианских ценностей, эта личность пытается постичь Божественный Промысел). Здесь присутствует и оптимизм (приписываемый Просвещению), основанный на уверенности в возможности постичь Божественный Промысел и объяснить им всё происходящее в мире. Естественнонаучные экспонаты, как мы видели, соседствуют с иконами и с произведения искусства³⁷. В понимании российского дворянина естественная история была частью истории божественной. Так, по определению В. Н. Тагищева, «история натуралис или естественная» как бы продолжает библейский рассказ о начале мира. Она рассматривает действия природных стихий, чья сила наследует и продолжает божественный акт творения: «В естественной – все приключения в стихиях, яко огне, воздухе, воде и земле, яко же на земли – в животных, растениях и подземностях»³⁸.

Следующее поколение российского «просвещенного дворянства» представлено сыном Петра Борисовича Шереметева – Николаем, знатком архитектуры, театра и музыкантом («План воспитания молодого кавалера. Сочинен для молодого графа Шереметева, единственного сына Его Сиятельства графа Шереметева, Яковом Штелиным зимой 1764 года» предусматривал изучение практически всех «наук и искусств»).

---

³⁶ Там же. Л. 142.

³⁷ При этом, в отличие от французского Просвещения, российское отличалось спокойным отношением к традиционной религии.

³⁸ Тагищев. 1995. С. 79.

Молодой Шереметев имеет свою концепцию устройства усадебного «идеального пространства». Принципиальная новизна замысла заключались не только в том, что театр занимал во дворце центральное место: наполненные произведениями искусства, образующими галереи живописи, графики, скульптуры и т.п., окружающие его залы дворца становились своеобразным протомузеем. В центре дворца находится театр, и влияние идей театральности ощущается во всем замысле³⁹. Еще один проект Николая Петровича, в основе которого лежит «универсальный музей» – шереметевская “программа” перестройки московского дома графа на Никольской улице⁴⁰. В русском языке конца XVIII века слово «музеум» вобрало в свое изначальное, восходящее к греческой античности, значение «обиталище, жилище Муз». Заказчик, он же соавтор, младший Шереметев искусно использовал перфомативные практики XVIII в., чтобы вызвать необходимые эмоции и «совершенствовать душу». Он продолжает линию поисков удовольствия «через воображение». В результате создается тот сплав знаний и утопии, который принято называть мечтательной формой воображения⁴¹ (моменты создания новых образов, которых не было в сознании, не было в прошлом опыте). Это именно род творчества – создание воображаемого «мира», воплощенного в синтезе «природа – архитектура – искусства и науки», где воображение используется как структурообразующий фактор познания и способ создания нового⁴².

Считается, что Век Просвещения – это эра «любительской» науки, дилетантизма. Но стоит взглянуть на формы интеллектуального быта XVIII в. с точки зрения их неповторимого своеобразия, инакости, которая ускользает, когда мы сопоставляем те формы освоения мира при ретроспективном подходе – с точки зрения привычного, осовремененного взгляда на науку – посмотреть как на форму творчества, столь органичную для XVIII в. и доступную дворянам благодаря огромным богатствам этих фамилий. Не стоит и говорить, что подниматься до *программных установок* при создании своих апартаментов могли немногие – дворянская «интеллектуальная элита», обладавшая к тому же достаточными средствами. Однако такие комплексы не были единичными⁴³.

---

³⁹ <http://www.museum.ru/Ostankino/2.htm> (июнь, 2011), Сайт музея Останкино.

⁴⁰ Осминская. 2001. <http://www.archi.ru/press/magazines/pinakoteka/12/>.
osm.htm (июнь, 2011).

⁴¹ Выготский. 1960. С. 327–350.

⁴² См. Фарман. 1994.

⁴³ О развитии усадебной культуры конца XVIII – начала XIX века см.: Марасинова, Каждан. 1998. С. 265–368.

Рядовое провинциальное дворянство действовало в том же направлении, но не с таким размахом. Недаром именно эпоха Елизаветы Петровны становится в России временем всевозможных «обманок»: порой помещики победнее заказывали художникам библиотеки-обманки: полки и корешки книг рисовались на картоне и устанавливались в комнате, призванной играть роль библиотеки⁴⁴. Картины-обманки, украшавшие кабинеты «просвещенных» людей и бывшие особым родом живописи, должны были вступать в диалог с «просвещенным» же зрителем: этот жанр, как и жанр аллегории, предполагает способность зрителя «читать» значения изображаемых предметов, приписывать им эти значения, размышлять – т.е. «философствовать», через аллегорические конструкты трактовать нетождественность видимого и сущностного. Такие «обертон» картин и гравюр вовлекали в размышления по поводу добродетелей и ценностей знания, мудрости и порока, тщеты сущего и мимолетности жизни. В таких формах философия французского Просвещения могла усваиваться российским зрителем, скорее, не как «образ мыслей», но как «образ жизни», интеллектуальная игра⁴⁵, выходящая за рамки прежних основных занятий – службы и ведения хозяйства.

Переплетение и столкновение различных культурных традиций – европеизированной и патриархальной – порождало в усадьбах специфическую предметно-пространственную среду, сочетание новизны с вещами, полными символики и вызывавшими памятные ассоциации. Мы, к сожалению, можем только отдаленно, в отрывочных свидетельствах представить атмосферу усадебных домов XVIII – начала XIX в.⁴⁶

В связи с этим укажем на еще одну ипостась дворянского усадебного творчества – это временной ее срез, «пространство памяти». Вторая половина XVIII в. обнаруживает значительный интерес дворянства к своей генеалогии (этот интерес был также результатом осмысления дворянством своей социальной роли, места своего рода в истории страны).

Историки усадьбы давно предложили рассматривать ее как место встречи с прошлым, возможностью эмоционально переживать прошлое как собственное время⁵². Л. И. Сизинцева предлагает говорить о предметной среде усадеб как канале «передачи межпоколенной информа-

---

⁴⁴ Коваленко. 1997. С. 108–117.

⁴⁵ Артемьева. 1996. С. 18.

⁴⁶ «Судьба русского классического интерьера бесприммерно печальна даже на фоне трагической судьбы всего искусства классицизма... За очень редким исключением у нас не осталось ни одного цельного, сохранившегося во всей полноте интерьера, а исключения относятся только к дворцам». Николаев. 1975. С. 211.

⁵² См. напр.: Стернин. 1994. С. 49–51 и др.

ции». Весь мир усадьбы, во всей его полноте становился формой «диалога» между обитателями и их предками. «Хранимые реликвии (награды, подарки царских особ) подтверждали как социальную значимость рода, так и самоценность жизни каждого из предков. Для потомков, которым сознательно адресовалось это вещественное “сообщение”, или они сами “считывали” бессознательно оставленные следы как текст»⁴⁷. Портреты дворянских домашних галерей иллюстрировали родословное древо рода, связи с царствующей династией и корни, уходящие в древность. Диалог с предшественниками обеспечивали и мемориальные вещи, в том числе: традиция сохранения одежды, вышедшей из употребления, как памяти; старинное оружие, «человеченная» мемориальная среда парков, кладбище с могилами предков и т.д.

Еще одно направление в развитии усадебной культуры – ее интеллектуальная среда. Ход «модернизации», усложняющаяся культура выдвигали новые требования к российскому «обывателю»: в частной жизни потребовалась практика частной переписки; развитие экономики было невозможно без элементарных навыков делопроизводства и ведения бухгалтерских книг, владения новой стилистикой и правилами составления деловых писем, счетов, контрактов, «верющих писем», векселей и пр. Для получения образования нужна была отсутствующая пока привычка к усидчивости и экстенсивному чтению.

Чтение было важнейшей составляющей интеллектуальной повседневности россиян постпетровского времени: оно являлось одним из главных путей распространения новых идей и навыков. С начала XVIII века Россия вступила в период введения в оборот основополагающих и новейших научных трудов. Создавались первые книжные собрания российского дворянства. А. Т. Болотов рассказывает о «протобiblioteке» 1740-х годов – книгах, хранившихся у отца в особом ящике:

«...У нас в России было тогда еще так мало русских книг, что в домах нигде не было не только библиотек, но ни малейших собраний... Литература у нас тогда только что начиналась, следовательно, не можно было мне, будучи ребенком, нигде получить книг для чтения». «Я узнал, что у родителя моего был целый ящик с книгами; я добрался до одного, как до некоего сокровища, но, к несчастью, не нашел и в них для себя годных, кроме двух... Не могу, однако, довольно изобразить, сколько сии немногие книги принесли мне пользы и удовольствия... Как однажды я...читал, то вздумалось родителю моему... спросить меня, что я делаю. «Читаю, батюшка, книгу» (далее – предположил, что рано, но, «узнав, что не в первый раз, похвалил»)»⁴⁸.

⁴⁷ Сизинцева. 1993. С. 32–36.

⁴⁸ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т. 1. Тула, 1988. С. 55–56.

Разумеется, чтение как практика довольно медленно распространялось даже в средних слоях дворянства. Тот же А. Болотов вспоминал (о своей молодости, пришедшей на середину XVIII в.): про него «пустили разговор», что он – колдун (невеста отказала ему именно потому, что он читал много книг). Болотов же пишет о поисках грамотной жены через сваху: расхваливая, та так характеризовала новую невесту: «Вот – и читать, и писать может, а коли мать прикажет, так и книги читает»⁴⁹. «Читателя» из другого слоя – екатерининского вельможу И. Н. Римского-Корсакова при заказе книг для его библиотеки книгопродавец спросил, какая область знания его интересует. «Об этом я не забочусь, это ваше дело, важно, чтобы внизу стояли книги большие, а наверху поменьше, точно так, как у императрицы», – ответил «книголюб»⁵⁰.

Чтение, накопление книжных «богатств» шло в замкнутых пространствах усадеб, в рамках больших патриархальных помещичьих семей (образ жизни в них все более отличался от патриархального культурного уклада основной массы населения). Новую возможность для самообразования в рамках семейного чтения дали в с 1780-х гг. новиковские еженедельные «Прибавления» к газете «Московские ведомости». В их числе был первый в России (во многом непревзойденный и в дальнейшем) детский журнал энциклопедического характера «Детское чтение для сердца и разума». Родовые усадебные библиотеки, складывавшиеся во второй половине XVIII в., стали тем ресурсом, который использовался в образовании дворянских детей (как мальчиков, так и девочек): в силу патриархальности общества семья продолжала оставаться основным каналом трансляции социально значимого опыта⁵¹.

Вот один из примеров того, как в российской глубинке складывались культурные гнезда, где чтением были заняты всерьез. Большое патриархальное семейство Брянчаниновых проживало в «глубокой провинции», недалеко от Вологды (в Грязовецком уезде). Выполняя время от времени обязанности гражданского и судебного чиновника, отец целиком посвятил себя занятиям хозяйству, воспитанию детей и словесности (впрочем, ни одно произведение А. М. Брянчанинова не было опубликовано). Поэтами были и его родной брат Федор, и двоюродный Петр. Их произведения сохранились в семейном альбоме, который аккуратно вела Софья Брянчанинова. Этот альбом не просто содержит поэтические опыты семьи Брянчаниновых, но и дает представление о

---

⁴⁹ Цит по: Лотман. 1994. С. 76.

⁵⁰ Романюк. 1999. С. 96.

⁵¹ Подробнее см.: Кулакова. 2008.

личных книгах и читательских интересах семьи. Ею же был составлен «Каталог книг, которые находятся в библиотеке Софии Брянчаниновой» (1802 г.). Наравне с сочинениями Л. Стерна, Ж. П. Флориана, популярными философскими и историческими трактатами здесь и чувствительные французские и английские романы. Приверженность к книжной моде не мешала Софье быть серьезной и внимательной читательницей. Она настолько увлеклась сочинениями Л. Стерна, что занялась переводом его произведений на русский язык, – для того, чтобы ее мать, не знавшая английского языка, смогла насладиться изящным словом и глубоким содержанием произведений этого автора⁵².

Не только в «догоняющей» России, но и в европейских странах только начался процесс перехода от «интенсивного» чтения к «экстенсивному». Торговля «интеллектуальным товаром» была также новой практикой; параллельно шло создание новых мест общения, связанных с распространением и функционированием книги. К сожалению, до сих пор внимание исследователей, изучавших российский материал, сосредотачивалось преимущественно на книге как таковой⁵³, и очень редко на человеке, к книге обращающемся⁵⁴.

Просвещение внесло в дворянский быт культуру чтения, связанного с уединением. Княгиня Дашкова, всегда подчеркивавшая свою начитанность, писала так: «...Книги сделались предметом моей страсти... с этой поры я стала чувствовать, что время, проведенное в уединении, не всегда тяготит нас»⁵⁵. Важное наблюдение сделал, на наш взгляд, К. Штеттке: «Переводный роман создавал культ уединенного чтения, в рамках которого отдельный читатель субъективно мог воспринимать содержание прочитанного. Книга карманного формата, читаемая на одинокой прогулке, стала модным атрибутом молодого дворянина...»⁵⁶. Кажется, об этом процессе Н. М. Карамзин писал так: «Я ...принялся за чтение и почувствовал в душе своей сладостную тишину»⁵⁷.

Подчеркнем, однако, что укореняется практика не только чтения, но и применения этого опыта, перевода и творчества как такового:

⁵² Бровина, Роцевская. 2000. <http://www.booksite.ru/fulltext/bro/vina/index.htm> (июнь, 2011).

⁵³ См., напр.: Хомеев. 1989; Самарин. 2002; Марихейн. 2008.

⁵⁴ Marker. 1985.

⁵⁵ Дашкова. 1990. С. 8.

⁵⁶ Штеттке. 2001. Первой (светской) российской мини-книгой называют «Искусство быть забавным в беседах» 1788 года издания. – Ваганов. 2008.

⁵⁷ Переписка Карамзина с Лафатером // Записки Имп. Академии наук. Т. 73. № 1. Прил. СПб., 1893. С. 6.

дворяне уже «пишут», преимущественно – стихи, но самовыражение присутствовало и в автодокументальных текстах (воспоминаниях, дневниках и письмах)⁵⁸. Маленький пример: письма Д. И. Фонвизина к сестре из С.-Петербурга в Москву, где она осталась с семьей (1763). Денис с восхищением пишет сестре: «Все те письма, кои я от тебя получал, писаны так хорошо, что я всегда их беру примером красноречия. Проза твоя такова, что я ни с какой не сравниваю. Некоторые письма казал я князю Ф. А. Козловскому. Он изумляется. А стихи твои прочту ему завтра. Они того стоят, чтоб показать трем особам, которых я люблю... Признаюсь, что я дивился и не предполагал никогда, чтоб в состоянии ты была написать так хорошо... Продолжай, сестрица, ты будешь великий человек...»⁵⁹. К концу XVIII в. можно говорить уже не просто о грамотности и привычке выражать в переписке интимные чувства (к этому времени частная переписка превратилась в неотъемлемую черту дворянского быта). Но появляется также тонкий слой дворян, прибегающих к практике «размышлений самого себя». Привычка «упражняться» в сочинительстве – так формулировались занятия, отражавшие новое умонастроение.

Если вновь вернуться к началу XVIII века, то мы увидим, что новые явления, связанные с новыми занятиями, реализовались в конкретных формах повседневности: в интерьерах значительную роль начинает играть мебель европейского образца, приспособленная к новым культурным практикам. Петр Великий придавал большое значение мебели для работы. Ему пришлось специально посылать в Англию мастеров учиться «кабинетному делу»⁶⁰. (В Эрмитаже хранится конторка, выполненная в Англии, эскиз для которой он делал сам). Царь предпочитал небольшие помещения, которые казались ему уютными (заметим, что он очень много работал с проектами и бумагами, и парадные кабинеты его не привлекали, видимо, с чисто практической точки зрения). Символично, что Петр «в болезни в Зимнем своем доме, в верхнем апартамента, 28 января 1725 года преставился от сего мира в своей конторке».

Вместе с Просвещением в Россию пришло другое, более прагматически организованное жилище Нового времени. Его характеризует утверждение М. Маклюэна: «“письменный человек” отдает предпочтение *отдельности* и поделенным на ячейки пространствам»⁶¹.

⁵⁸ Марасинова. 1999; Лотман. 2002. С. 46–75, 331–385; Гросул. 2003.

⁵⁹ Фонвизин. Собр. Соч. в 2 томах. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 328.

⁶⁰ Петровские пенсионеры, посланные в Европу для обучения «кабинетному делу», вернулись в начале 1730-х гг. Для Анны Иоанновны уже один из них выполнил рисунки кабинетов по типу английской мебели (Ботт, Канева. 2003. С. 57).

⁶¹ Маклюэн. 2003. С. 140.

На протяжении второй половины XVIII в. кабинет как отдельное помещение распространяется в городских особняках и сельских усадебных домах как особого назначения приватное пространство непарадных покоев, точнее – как атрибут интеллектуального быта. Это было пространство, специально приспособленное для уединения и работы (или имитации обстановки «творчества», становящегося все более актуальным романтическим занятием). «Словарь академии Российской (1789–1794)» определял слово «кабинет» (фр.) в трех значениях, главное из которых «Особенная в доме комната, определенная для упражнения в письменных делах, или для хранения собранных редкостей». Аналогично классическое определение В. Даля: «комната для уединенных письменных занятий» (другое значение – «собрание редкостей по наукам, искусствам; музей, сборище, хранилище »).

В массе своей традиционное российское жилое пространство долго оставалось слабо индивидуализированным (и это относилось ко всем этажам общества, идет ли речь об избе или об анфиладных пространствах особняков). Новые явления, связанные с новыми занятиями, реализовались в конкретных формах повседневности: в частных пространствах более значительную роль начинает играть мебель, предназначенная для повседневного комфорта, для более интимных занятий⁶². Это – проявление латентных процессов: в недрах традиционного быта медленно, но складывался для России новый тип поведения «просвещенного человека»: установка на самоуглубление и свободное уединение с целью творчества, и т.д. (Такие явления в западноевропейской традиции возникли как черты еще ренессансного индивидуализма.)

Образцом уединенного творчества был фернейский отшельник – Вольтер, известный и читаемый в России автор (для российского «философствующего дворянства» изображение этого «мудреца в халате» стало моделью при заказе собственных портретов⁶³). Говоря о кусковских кабинетах Шереметевых, мы уже фиксировали стремление уединиться. Мысль отделить свое *приватное* пространство от «шума света» овладевает определенной (весьма небольшой) частью просвещенных дворян. Такой образ жизни противостоял не только «деятельной праздности» основной массы дворянства, но даже бытовым устоям традиционной культуры – не в каждом дворянском доме середины XVIII века

---

⁶² В конце века наряду с дворянской усадьбой получает развитие квартира – как съемное жилье небогатого дворянства и формирующейся разночинной интеллигенции. Вначале особняки делятся на несколько квартир, а в 1830-е гг. было положено начало идее многоквартирного доходного дома, которая разовьется полностью к концу XIX в.

⁶³ См.: Кулакова. 2011.

имелась соответствующая интеллектуальным занятиям обстановка и мебель. Например, А. Т. Болотов рассказывает о том, как в Петербурге ходил на уроки в дом генерала Я. А. Маслова – с его сыновьями занимались «у самого генерала в предспальне... Для нас поставляли обыкновенно ломберный столик посреди предспальни, и тут мы должны были сидеть и учиться»⁶⁴.

В роскошных апартаментах обособленность, кажется, была не нужна и даже противопоказана. Сама открытость, «анфиладность» ампирических зал призывала «казаться», демонстрировать (существовал даже анфиладный тип стула, фас которого был богато украшен, а спинка, обращенная к стене, лишалась украшений). Устройству непарадных комнат, удобствам жизни – в нашем понимании – уделялось мало внимания, одни и те же пространства приспособлялись для разных функций (были обычными взаимозаменяемость и многофункциональность помещений). Важно понять, насколько в повседневности *они* вообще нуждались в том или ином изолированном пространстве – «для жизни» в целом и для интеллектуальной деятельности – в частности.

Когда в 1788 г. скончался старший Шереметев, его сын Николай унаследовал в числе прочего и усадьбу Останкино. Заметим, что поначалу Н. П. Шереметеву, в его апартаментах в Останкине достаточно было поставленных в зале ширм – так были устроены т. н. «кабинетцы» при спальне в «старых хоробах» (именно там работал Николай с бумагами)⁶⁵. Но по описям дворца можно видеть, что в конце 1790-х гг. молодой граф предпринимает переделки, перепланирует помещения. Теперь стало не обязательно проходить через спальню, чтобы попасть в кабинет – он стал более приватным; здесь нет еще специального «письменного» стола (в описях упоминаются лишь чернильный прибор – и комод с выдвигной доской). По описаниям видно, что «уборная» также стала использоваться как «кабинет» (согласно описи там стояли трехярусное бюро-кабинет с откидной доской и письменный прибор). Впрочем, эти уже более приватные апартаменты имеют мало общего с классическими кабинетами обильно пишущих дворян XIX века. Но вот для сравнения описание (самого начала XIX в.) кабинета Н. М. Карамзина, которого нельзя заподозрить в привычке к «разночинскому» образу жизни. Его комната – это *голые* оштукатуренные стены, выкрашенные белой краской, широкий сосновый стол, простой деревянный стул, несколько козлов с досками, на которых раскладывались рукописи и бу-

---

⁶⁴ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Т. 1. Тула, 1988. С. 72–73.

⁶⁵ Граф Н. П. Шереметев. М., 2001. С. 107.

маги. Ни одного кресла, дивана, ковров, лишь несколько «ветхих стульев»⁶⁶. Все продумано и устроено для того, чтобы не отвлекаясь ни на минуту творить «Историю государства российского».

В стихотворном описании своей комнаты (1817) К. Н. Батюшков дал все составляющие классического кабинета: скромная комната, рабочий стол, символическая вещь, отсылающая к семейной традиции; кровать («лежбище» для поэтических медитаций):

...В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель –
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..⁶⁷

А. С. Пушкин в описании усадебных кабинетов рядовых помещиков зафиксировал эволюцию типологии кабинета на протяжении одного поколения – в имении, где «живал» дядя Евгения Онегина (уездный «старый барин» образца конца XVIII – начала XIX в.). Он в кабинете в основном «...играть изволил в дурачки» («Все было просто: пол дубовый, / Два шкафа, стол, диван пуховый, / Нигде ни пятнышка чернил»). В шкафах – лишь «тетрадь расхода» и календарь «осьмого года» («В иные книги не глядел»). А вот у его наследника, Евгения («по мнению многих... ученый мальый»), в усадебном же кабинете уже другое – стол, груда книг, портрет Байрона и бюст Наполеона, т.е. вещи, отражающие «направление ума», открывающие идейный настрой хозяина. (Результатом развития этой практики в начале XIX века стало появление «модного кабинета» (Евгения Онегина). Как видим, чтобы кабинет стал «модным», потребовалась длительная смена культурных установок.

Появляются типичные для конца XVIII века атрибуты мужского кабинета как пространства *ритуала*: в углу помещались в особой стойке

⁶⁶ Карамзин. 1988. С. 18.

⁶⁷ Стихотворение К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (Послание к Жуковскому и Вяземскому).

длинные чубуки и трости, необходимые теперь предметы обихода⁶⁸. О том же вспоминает Е. П. Янькова: «В наше время... курить считали весьма предосудительным... мужчины курили у себя в кабинетах или на воздухе⁶⁹. Возникший обычай курения в кабинете был также связан с модой на «размышления» – с медитациями на темы *vanitas vanitatum*. Неторопливый ритуал утреннего кофе и трубки – у Г. Р. Державина: «А я, проспавши до полудни, / Курю табак и кофей пью...».

Надо отдавать себе отчет в том, насколько необычны были «кабинетные» занятия для массы людей традиционной культуры. Показательно отношение обитателей поместий к дворянам-маргиналам, занимающимся интеллектуальным трудом: последние, как правило, воспринимались как чудаки со «странной» склонностью к «выдумыванию». Прежде всего, вспоминается фигура Ф. И. Дмитриева-Мамонова. Этот человек своего времени, склонный к различным «наукам» (философии, астрономии, истории), был замечателен скорее как автор оригинального сочинения «Дворянин-философ. Аллегория» (1769). В предисловии к этому, по сути, натурфилософскому произведению, развивающему теорию множественности миров) автор объяснял: «Я великую охоту имею сочинять и писать, но не желаю слыть ни стихотворцем, ни писателем, ни переводчиком». Прославился он как раз не научными и литературными опытами, а своим «эксцентрическим поведением», и был признан «человеком вне здравого рассудка»⁷⁰.

Еще один оригинал – Н. Е. Струйский (1749–1796), малоизвестный дворянин-поэт, сочинитель и содержатель частной типографии⁷¹, с начала 1770-х годов удалившийся в свое имение Рузаевку Пензенской губернии. Современники считали его «графоманом» и «метроманом» за «маниакальную тягу» к сочинительству. Это формулировалось так: «Етот дворянин... находясь в возможности... наслаждаться жизнью благополучного человека, учредил типографию собственно свою».

Лирический поэт Струйский издал два сборника (1788, 1790). П. А. Вяземский, впрочем, о его стихах (гораздо позднее, уже в 1827 г.)

---

⁶⁸ *Вдовин*. 1995. С. 22. Курительный прибор с трубками мог стоять также на столе (См. напр.: Подмосковные музеи. В. 2. Архангельское. Николо-Урюпино. Покровское-Стрешнево. М., 1925. С. 83, 64).

⁶⁹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 96.

⁷⁰ *Лепехин*. 1983. Сб. 14; *Артемьева*. 1996. Ч. 2. Гл. 4. С. 147–166.

⁷¹ Помимо занятий сочинительством и изданием книг был «наклонен к юридическим упражнениям» – запрашивал и судил своих крестьян, выступая от их имени (за и против). *Тюхменева*. 2000. С. 232.

отзывался так: «Чем стихи эти не стихи? Можно даже доказать, что тут есть очевидные приметы романтизма». Однако современники о поэте вспоминали с опаской: «Все обращение его... было дико, одевание странно». Струйский устроил себе кабинет – «в самом верху дома, называемый Парнасс» (там, помимо стола и множества редкостей, стояли статуи Аполлона и муз, и «в сие святилище никто не хаживал») ⁷².

Другой пример: в известных мемуарах помещица Янькова вспоминает о своей семейной ситуации в имении рубежа веков. – Князь Н. С. Вяземский «рассердится, уйдет к себе и все спит... отобедает молча и опять спать и не выходит из кабинета... это значит, что он не в духе и все сердится» ⁷³. (На деле это могло быть вовсе не плохое настроение, а непривычное желание уединиться.)

Приведем еще один пример отношения к подобным маргиналам, отразившийся в художественном произведении. В 1812 г. вышел роман «Российский Жильблаз». Автор этого первого российского авантюрного романа, выпускник Московского университета В. Т. Нарезный ⁷⁴ выводит героем князя Гаврило Симоновича, который заявляет: «...Мне пришло на мысль досуги свои посвятить размышлению, а для большего собственного своего удовольствия, а может быть, и пользы общества, сделаться сочинителем. Надобно было только избрать род сочинений, коими бы мог прославить имя...» ⁷⁵. В. Т. Нарезный иронически описывает муки творчества и их последствия. Окружающим, дворне кажется странным поведение хозяина: ведь они живут еще в традиционной системе культурных норм: «...Все слуги и служанки... начали догадываться, подозревать, подглядывать, подслушивать и таким образом добиваться причины, отчего князь так переменился... Его сиятельство начал запирается и вести такую уединенную жизнь»... «Живет в прежнем своем кабинете, делает странности почти до обеда...». Предположения окружающих были таковы: «великий грешник и теперь очищает душу постом и молитвами, либо «похож на колдуна и по ночам упражняется в чернокнижии», или – «бедный, рехнулся с ума» («больной запирается и

---

⁷² Долгорукий. 1916. С. 278–279.

⁷³ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 73–74 (курсив мой. – И. К.).

⁷⁴ Нарезный. Соч. в 2 тт. Т. 1. М., 1983. Нарезный, сын мелкого дворянина, не имевшего крепостных, учившийся в Московском университете, еще в 1798–99 гг. начал делать первые шаги в литературном творчестве, печатаясь в московских журналах; в 1804 г. вышла его трагедия «Дмитрий Самозванец», а к началу 1812 г. был написан «Российский Жильблаз» (Манн Ю. В. У истоков русского романа // Там же. С. 8–11).

⁷⁵ Нарезный. Указ. соч. С. 366.

никого к себе не пускает»). Приглашенные доктора сделали свои предположения, основанные на опыте с подобными «задумывающимися» господами: «Вы говорите, что больной часто задумывается? ... Не ворочает ли он иногда глазами в сторону, сам не трогаясь с места?.. Не случается ли, что он растворяет рот, будто что хочет сказать, вдруг останавливается, замолкает и кажется недовольный вид?»⁷⁶.

Но что и говорить о слугах, если и сами представители просвещенной дворянской элиты тягу к таким вещам, как раздумья и литературное творчество, вплоть до начала XIX века осмысливают в выражениях «лень», «праздность», «безделки». Сами названия изданий говорят об этом приеме как о способе самопрезентации: «Праздное время в пользу употребленное» (1759–60), «Дело от безделья» (1792), «Мои безделки» (М. Н. Карамзина, 1794), «И мои безделки» (И. И. Дмитриева, 1795); «И отдых в пользу» (1804) и т.п.

Известными всему обществу домашними привычками И. А. Крылова были уединение и «поэтическая лень» (парадоксально при том, сколько Крылов успел написать). Одаренный литератор К. Н. Батюшков (служивший в канцелярии) писал: «я, ленивец, принес ему (Н. Н. Муравьеву, его начальнику. – И. К.) мое послание... у которого были в заглавии стихи из Парни, всем известные:

Небо, которому хотелось моего счастья,
Вложило в глубину моего сердца
Лень и беззаботность (фр.)⁷⁷.

К. Н. Батюшков, обращаясь к Вяземскому «Питомец муз надежный» – называет его «Товарищ в лени мой»). О себе пишущие люди часто употребляют уничижительный глагол в смысле «писать» – «марать» (бумагу). В письме 1811 г. Батюшков же замечал в письме к Гнедичу: «...И в тридцать лет я буду тот же, что теперь: то есть лентяй, шалун, чудак, беспечный баловень, маратель стихов». «Беспечный» поэт-мечтатель, «жрец любви, неги и наслаждения» (так В. Г. Белинский отзывался о том же Батюшкове). П. А. Вяземский обычно вышучивал свою лень и «неспособность» неотрывно и сосредоточенно трудиться над стихами и прозой. Подчас он вводил в заблуждение даже близких друзей (хотя на самом деле он подходил к ремеслу писателя серьезно, – «учась выбранному ремеслу осознанно и рационально». Но при этом намеренно стремился писать так, чтоб в написанном «работы след улыбки не пугал»⁷⁸).

⁷⁶ *Нарежный*. Указ. соч. С. 359–360.

⁷⁷ *Кошелев*. 1987.

⁷⁸ *Перельмутер*. 1993. С. 35.

Очевидно то, что за этими словами о «марании бумаги» и «лени» пишущих дворян уже стояла большая внутренняя работа. Раньше, чем у кого-либо другого, новые поведенческие стратегии просвещенного дворянства выразились в творчестве Михаила Никитича Муравьева. Еще в середине 1770-х гг., когда в России рождался писатель как культурно значимая категория, Муравьев стоял у истоков формирующейся оригинальной русской литературы, предвосхищая открытия Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина. Этот видный общественный деятель, писатель и поэт (чье творчество по большей части не публиковалось при его жизни), был ярким выразителем многих просветительских тенденций своей эпохи.

Отличительная способность Муравьева – в его саморефлексии (и это черта человека Нового времени). В. Н. Топоров, подробно изучивший творчество Муравьева, обращает внимание на описанное им развертывание самого процесса «сочинительства» («упражнение в сочинении» – как говорит он сам). В уста своего героя Муравьев вкладывает советы «сочинителю»: «Вы так часто рассказываете то, что видели или читали. Возьмите перо и дайте ему ходить по бумаге с той же свободой, с которою говорите»⁷⁹. (Аналогичный импульс возникает у Н. М. Карамзина. Во всяком случае, так он хотел представить процесс своего спонтанного творчества: «Я лег на траве под деревом, вынул из кармана записную книжку, чернильницу и перо, и записал то, что вы теперь читали». – «Письма русского путешественника», Курляндская корчма, 1 июня 1789 г.). Сутью размышлений Муравьева была нравственно-этическая сторона человеческой жизни, утверждение гармонии, единения добра и красоты. Один из самых ранних (сентиментальных) образов «пространства творчества» дал именно М. Н. Муравьев, вот он: «Горница... Маленькая библиотека моя расположена на трех полочках, прибитых над письменным моим столом. Горшки цветов, которые я сам поливаю, затемняют мои окна. Некоторое великолепие украшает мою хижину. Маленькие бюсты Жан-Жака Руссо и Соломона Гесснера, которые я выпросил у хозяина, означают убежище их попечителя и любителя природы»⁸⁰. Знаковые фигуры писателей эпохи Просвещения отсылают нас к ориентирам, которые имел в виду их российский последователь.

Итак, мы попытались (на немногих примерах) показать, какие специфические формы принимала интеллектуальная деятельность представителей новой для России культурной элиты – тонкого слоя литературно ориентированной интеллектуальной субкультуры внутри культуры

⁷⁹ Топоров. 2001. С. 595–596.

⁸⁰ Эмилиевы письма // Цит. по: Топоров. Указ. соч. С. 537.

дворянской. Смена форм творческой деятельности и формы самопрезентации образованного дворянства отразили, как нам кажется, процесс распространения Просвещения в российском обществе.

Просвещение иногда характеризуют как «культурно-идеологическое и философское движение общественной мысли, связанное с эпохой утверждения капиталистических отношений»⁸¹. Разумеется, никаких признаков этих отношений в рассматриваемый период не присутствует. Просвещение – скорее «европейский универсальный феномен, приспособившийся к различным временным и культурным обстоятельствам»⁸². Российское дворянство, оставаясь феодальным сословием, втягивалось в новые культурные процессы и как бы исподволь, постепенно накапливало в себе свойства, характерные для «просвещенного» новоевропейского человека. – «В тиши своего кабинета поэт Муравьев, сам того полностью не осознавая, положил начало своеобразному “перевороту” в русской поэтической традиции. Начав писать “для себя”, он как-то незаметно отошел от устоявшихся “высоких” традиций оды, от воспевания “бога браней” и попробовал взглянуть “о круг себя”, отразить в стихах именно “себя”»⁸³. Добавим: себя – как автономную личность, анализирующую окружающий мир. Дворянин – но самодостаточный человек с внутренней свободой и авторским самосознанием: кажется, это и было одним из главных итогов развития идей Просвещения в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градусов в свете» – град Святого Петра. СПб., 1999.
- Артемяева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
- Ботт И. К., Канева М. И.* Русская мебель. История, стили, мастера. СПб., 2003.
- Ваганов А.* Эволюция покетбука // Русский журнал. http://www.russ.ru/teksty/evolyuciya_poketbuka#2 (июнь, 2008).
- Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М., 2000.
- Горбунов И. Ф.* Князь А. Б. Куракин в селе Надеждине // Русская Старина. 1887. № 12.
- Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
- Гутнер Г.* Просвещение как социальный проект // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25).
- Долгорукий И. М.* Записки. Пг., 1916.
- Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Т. 1. Тула, 1988.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России 18 века. Опыт целостного анализа. М., 1999.

⁸¹ Просвещение // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн., 2003.

⁸² *Рикуперати*. 2003. С. 28.

⁸³ *Кошелев*. 1987. С. 50.

- Карамзин М. Н.* Записки старого московского жителя. М., 1988.
- Коваленко Т. А.* Менталитет дворянской культуры XVIII века // *Общественные науки и современность.* 1997. № 5.
- Кошелев В.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987.
- Кошелева О. Е.* Понятие “Человек эпохи Просвещения” как историографический конструкт // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры / Сб. ст. Под ред. Н. Н. Алеврас.* Челябинск, 2006.
- Кулакова И. П.* Дочь и сестра: дворянская семья как образовательное пространство в XVIII – начале XIX в. // XVIII в.: Женское / мужское в культуре эпохи. М., 2008.
- Кулакова И. П.* О халате как атрибуте интеллектуального быта россиян 18 – 1 половины 19 в. // *Теория моды: Одежда. Тело. Культура.* Международный журнал. 2011. Зима (№ 19).
- Кулакова И. П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.
- Курукин И. В.* Эпоха «дворянских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.
- Лепехин М. П.* «Дворянин-философ» в кругу почитателей (Новонайденные материалы о литературно-художественном окружении Ф. И. Дмитриева-Мамонова) // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в. СПб., 1994.
- Маклюен М.* Понимание Media: Внешние расширения человека. М., 2003.
- Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999.
- Марасинова Е. Н., Каждан Т. П.* Культура русской усадьбы // *Очерки русской культуры 19 века.* Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.
- Марихбейн Л. А.* История частных коллекций французской книги в России 18 – 19 веков и их роль в развитии русско-французских культурных связей. Автореф. Дисс... к.и.н. М., 2008.
- Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Нарежный В. Т.* Российский Жильбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова // *Нарежный В. Т. Соч.* в 2 тт. Т. 1. М., 1983.
- Неверов О.* Михайловский замок – пластическая аллегория судьбы «русского Гамлета» // *Наше наследие.* 1996. № 38.
- Николаев Е. В.* Классическая Москва. М., 1975.
- Осминская Н.* Под сенью храма Аполлона: коллекционирование как мировоззрение // *Пинакотека.* 2001. № 12.
- Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
- Пекарский П.* История императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870.
- Перельмутер В.* «Звезда разрозненной плеяды!...». Жизнь поэта Вяземского, прочитанная в его стихах и прозе, а также в записках и письмах его современников и друзей. М., 1993.

- Писаренко К.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.
- Погосян Е.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997.
- Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.
- Рикуперати Дж.* Человек Просвещения // Мир Просвещения: Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша / Пер. с итал. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003.
- Романюк С. К.* По землям московских сел и слобод. Ч. 1. М., 1999.
- Савинская Л.* Ученая прихоть: Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова // Наше Наследие. 2002. № 63–64.
- Самарин А. Ю.* Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). Автореф. дис... д. и. н. М., 2002.
- Сизинцева Л. И.* Хронотоп провинциала // Русская провинция: Культура XVIII–XX веков. М., 1993.
- Соколов Б.* “Правило из которого великия можно вывести красоты”: Вновь найденный экземпляр “Теории садового искусства” К. К. Л. Хиршфельда с заметками и рисунками Н. А. Львова. <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=177> (июнь, 2011).
- Солоухина М. И.* Творческое общение Великой Княгини и Императрицы Екатерины Алексеевны с М. В. Ломоносовым // Международная конференция Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) к 275-летию Академии наук Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. СПб., 1996.
- Стернин Г.* Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба. М.; Рыбинск, 1994. В. 1 (17).
- Топоров В. Н.* Из истории русской литературы. Т. II. Русская литература второй половины XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. I. М., 2001.
- Фарман И. П.* Воображение в структуре познания. М., 1994.
- Филонович С. Р.* Эксперимент и его роль в становлении классической физики. Автореферат дисс... д. ф.-м. н. М., 1996.
- Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания. Л., 1989.
- Шебунин А. Н.* Основание Академии наук // Новое литературное обозрение. 2002. № 54.
- Штедтке Клаус.* Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в “Письмах русского путешественника” Н. М. Карамзина // Логос. 2001. № 3.
- Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение, Т. 3. № 2, 2003.
- Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985.
- Ирина Павловна Кулакова***, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ, сотрудник Центра визуальной антропологии и эгоистории РГГУ; ikulakova@mtu-net.ru.